

*Безотосный В.М.**

Россия в эпоху наполеоновских войн: Выбор союзников и противников

Аннотация: В статье рассмотрены три модели поведения России в Европе в начале XIX в. - нейтралитет, союз с Великобританией, союз с Францией. Особое внимание уделено вопросам геополитического и стратегического союза России и Франции. Создание коалиций в XIX в. являлось прямой реакцией на силовые действия столь непредсказуемого политика и полководца как Наполеон, когда Франция, перейдя от обороны к активной внешней экспансии, а затем - к борьбе за господство в Европе, стала угрожать территориальной целостности европейских государств. Поэтому в их политике на первое место вышли оборонительные задачи. Россия преследовала определенные цели (спасения "обломков" прежней Европы) и стремилась не допустить распространения пожара войны к своим границам.

Ключевые слова: Россия, Александр I, Наполеон, Тильзитский мир, антинаполеоновская коалиция

УДК 94(4)

Abstract: In the report we are going to analyze the models of political behavior of Russia in Europe at the beginning of the XIX-th century. The policy of neutrality, the alliance with Great Britain and the alliance with France were tested before 1815. Special attention will be paid to the problem of objective preconditions for strategic unit between Russia and France. The foundation of coalitions in the XX-th century had become the strait reaction to the force actions (the policy of "revolutionary expansion") conducted by Napoleon, unpredictable political and military leader. Under his leadership France first switched from defense to active foreign expansion and then to the struggle for domination in Europe, threatening the territorial identity of the European states. In this case Russia tried not only to save the "fragments" of former Europe but also not to admit war fire to reach its borders.

Key words: Russia, Alexandr I, Napoleon, Tilsit Treaty, anti-Napoleonic coalitions

Большинство исследователей сегодня признают, что главными игроками на европейской арене тогда выступали наполеоновская Франция и «владычица морей» и «мастерская мира» – Великобритания. Непрерывное соперничество между этими державами началось с 60-х годов XVII в., а противоречия между ними диктовали и определяли основное содержание наполеоновских войн как двух главных оппонентов в споре за преобладание на континенте. В Европе можно было выделить еще три крупных государства, способных тогда влиять на расстановку сил: Россию, Австрию и Пруссию. Остальные, в силу своей периферийности или малых размеров, не являлись полностью

* *Безотосный Виктор Михайлович* – доктор исторических наук, заведующий научно-экспозиционным отделом Государственного исторического музея (e-mail: vikbez@mail.ru)

самостоятельными игроками, в той или иной степени не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей и находились в орбите воздействия пяти самых мощных стран. Из трех последних выделенных государств Россия стояла на особом месте, так как бесспорно являлась великой европейской державой, обладая огромной территорией, значительными людскими и материальными ресурсами. Она не только приближалась по значимости к Франции и Англии, но ее мощь была сопоставима с ними. В раздробленной на мелкие государственные образования Центральной Европе роль периферийных полюсов притяжения всегда играли Австрия и Пруссия. Вокруг них традиционно группировались мелкие владения, хотя всегда были сильны и конкурентные австро-пруссские противоречия, что облегчало Наполеону проведение его политики в этом регионе. Но, в отличие от Австрии и Пруссии, находившихся всегда в зоне возможных прямых ударов со стороны Франции, Россия, как и Англия, была менее уязвима, что давало ей большую самостоятельность и свободу маневрирования. От ее позиции и поведения зависело тогда очень многое, а географически она находилась не в центре Европы и могла выбирать союзников. Россия оставалась единственной крупной континентальной державой, с мнением которой Наполеон вынужден был считаться.

Собственно Российская империя в тот период могла предпочесть три модели реагирования на происходившую в Европе борьбу: во-первых, поддержать Францию, т. е. вступить с ней в союз против Англии; во-вторых, оставаться нейтральной, в данном случае можно было выбрать разные способы поведения – от самоизоляции до политики «свободных рук»; в-третьих, вместе с Англией выступить против Франции и попытаться втянуть в антинаполеоновский союз как можно больше европейских стран.

Забегая вперед, укажем, что во внешней политике России в 1800–1815 гг. были опробованы все три указанные модели поведения. Но второй вариант стал со временем существовать как теоретический, так как полностью исключался для такой крупной державы как Россия. Она не могла подобно средневековому Китаю затвориться в скорлупу самоизоляции или закрыть глаза на происходящее, тем самым позволив другим странам принимать вместо себя принципиальные решения. Результат такого поведения нетрудно было предсказать любому политику. Отказ от защиты своих государственных интересов означал потерю немалого влияния в Европе и статуса великой державы. Также важно признать, что к этому времени антиреволюционный идеологический бульон, который некоторый период варили многие европейские государства, уже выкипел. Разыгрывалась другая антифранцузская карта – борьба с агрессивным курсом Наполеона, представлявшим реальную угрозу многим европейским странам.

Хотя Александр I в самом начале своего царствования хотел бы оставаться нейтральным, реализовать подобный вариант просто не сумел. Тогдашний друг царя А. Чарторыйский следующим образом резюмировал главные принципы внешней политики России в начале царствования Александра I: «Быть со всеми державами в хороших отношениях и не вмешиваться в европейские дела, чтобы не увлечься и не зайти дальше, чем следовало, словом, тщательно избегать недоразумений, не роняя в то

же время своего достоинства». Однако, по его мнению, «с течением времени пассивную систему мирной политики ...становилось все труднее и труднее поддерживать. Страна ...не могла довольствоваться незначительной и второстепенной ролью, хотя эта роль и обеспечивала надолго непрерывное внутреннее благополучие». «Новая политика России продолжалась до тех пор, пока инстинктивно отношения ее к первому консулу не стали все более и более охлаждаться, и дипломатические сношения приняли тон, ясно говоривший, что о взаимных уступках уже не может быть речи»¹.

Существование такого крупнейшего государства как Россия уже было немислимо вдали от общеевропейских интересов и от них уже невозможно было абстрагироваться. А поскольку война превратилась во всеобщее явление, она уже не могла оставаться в стороне от бушевавшего пожара. Диапазон возможных приоритетов (с кем и против кого «дружить») был невелик. Оставался лишь выбор в пользу Франции или Англии. Собственно вектор внешней политики России так и развивался: от войны с Францией к союзу с ней, затем от союза к войне. Отметим, что к этому времени войны за частные уступки стали уходить в прошлое. Им на смену стали применяться «абсолютные» войны на полный слом противника. Именно таков был исход наполеоновских войн. Такая участь могла ожидать и Россию, если бы она не смогла одержать решающую победу в этой борьбе.

Доминирующий взгляд в нашей отечественной историографии считает англо-русскую борьбу с постреволюционной Францией вполне естественной политикой, вытекавшей из угрозы завоевания европейского господства Н. Бонапартом. Другая точка зрения – идея закономерной и жизненной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия непримиримых противоречий – была обоснована во времена расцвета русско-французского союза конца XIX в. историками А. Вандаем и А. Трачевским². В какой-то степени подобных позиций придерживался и их современник С.С. Татищев³. В советской историографии приверженцем этого взгляда выступил А.З. Манфред, талантливо интерпретировавший идею наличия общности интересов и объективной заинтересованности сторон при отсутствии территориальных споров между ними⁴. Справедливости ради отметим, что до последнего времени даже среди советских исследователей, несмотря на большой авторитет Манфреда, это концептуальное положение не получило поддержки среди серьезных ученых⁵. Из современных авторов подобную точку зрения с некоторыми оговорками высказывал О.В. Соколов⁶.

¹ См.: Из записок князя Адама Чарторыйского: Русский Двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805. М., 2007. С. 146, 174, 195–196, 200.

² Ванда А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III. СПб., 1910–1913; Трачевский А. Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. № 6.

³ Татищев С.С. Мировой раздел: От Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1890. № 3, 4; 1891. № 2, 9, 11, 12; Он же. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.

⁴ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

⁵ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 179; Шеин И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002. С. 147–149.

⁶ Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. М., 2006. С. 78–79, 96, 127, 128, 131, 140.

Сегодня назрела необходимость пристальней взглянуть на проблему объективности геополитического и стратегического союза России и Франции. Если даже считать за аксиому геополитический фактор, как данный нам раз и навсегда беспристрастный критерий, возникают вопросы: почему русские войска сражались с французскими в 1799, 1805–1807, 1812–1815 гг.? Почему в указанные временные отрезки этот фактор «не работал»? По каким причинам робкие ростки политического союза Франции и России так быстро гибли, не выдерживая в этот период даже краткие испытания временем?

Начнем с того, что Франция и Россия были крупными централизованными европейскими государствами, но с разными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Самое главное – Россия была тогда крепостническим государством!!! Основу ее экономики составляло крепостническое сельское хозяйство. Товарооборот во внешней торговле почти полностью ориентировался на Англию. Экономический фактор был, бесспорно, очень важен, но не менее важными являлись социальные и идеологические аспекты.

Главной социальной базой и цементирующим стержнем самодержавия являлось дворянство, оно же тогда было единственной общественной силой, единственным сословием, имеющим в империи политическое значение. Только идеалисты могли считать, что царь повелевал Россией в одиночку. Не опираясь на господствующий класс (другой опоры у самодержавия не было, отсюда проистекало и проведение внутренней и внешней политики с ориентацией на интересы этого слоя), император не был в состоянии править страной⁷. Русское дворянство быстро лишало его этой возможности, если политический вектор изменялся не в пользу этого сословия, а «государь» пренебрегал их интересами и даже настроениями. Об этом свидетельствует опыт XVIII столетия, когда дворцовые перевороты в Петербурге были «до смешного легки», а монархи теряли не только корону, но и жизнь.

Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков русскому императору, России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве (очень актуально для крепостников!), отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» (читай, и дворянам тоже) и в придачу французскую гегемонию в Европе! И, что же, после этого дворянство, поставлявшее империи управленческие кадры, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить свое правительство, что Франция – это единственный и естественный союзник России? Не могло все сословие поголовно поглупеть настолько, что у него напрочь атрофировалось социальное чутье.

Напротив, дворянство тогда очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу их положению. Ведь еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта,

⁷ Можно привести мнение одного из самых талантливых отечественных историков А.К. Дживелегова, который считал, что в России «господствующим классом было дворянство, держащее при дворе и в бюрократии свои передовые отряды», а русский деспотизм он называл «щитом обороняющегося феодального дворянства» (Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915. С. 27, 29).

а испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Даже дошедшая до нашего времени переписка представителей дворянства в 1812 году наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным. Призрак второй пугачевщины присутствовал в умах дворян того времени. О том, что русские дворяне боялись Наполеона «как носителя идеи свободы и прежде всего крестьянской свободы», в свое время писал историк А.В. Предтеченский, а это, по его мнению, в свою очередь способствовало тесному единению дворян, как класса, вокруг трона⁸. Дворянству тогда было что терять. Поэтому Россия крепостническая очень четко определяла Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника⁹.

Идеи революции всегда опасней ее штыков (при условии массового потребительского спроса на эти идеи). Сегодня историки сколько угодно могут рассуждать, что Франция при Наполеоне переродилась, усилиями своего императора старалась адаптироваться под «старый режим». Проблема состояла в том, что русские дворяне, продолжали пребывать в убеждении, что наследник революции «безродный» Наполеон Бонапарт мало, чем отличался от французских безбожников-санкюлотов¹⁰. Для них он по-прежнему оставался «новым Пугачевым».

Да, русское дворянство было неоднородным, различалось по знатности, богатству, общественному положению. Существовал верноподданный чиновно-сановный Петербург, «столица недовольных» – Москва, где проживали фрондирующие опальные отставники и крупные помещики центральных губерний (очаг дворянского вольномыслия и цитадель сословной оппозиции), присутствовала родовая аристократия, негласно претендовавшая на властные полномочия в государстве, крупное столбовое поместное дворянство и бедные беспоместные чиновники и офицеры, получившие за службу право приобщиться к благородному сословию. При этом стоит отметить, что в начале XIX в. Франция по-прежнему в поведенческом отношении оставалась Меккой всей дворянской аристократической культуры и являлась законодательницей мод.

Н.И. Казаков и В.Я. Гросул привели интересную подборку мнений и отзывов (в основном, отрицательных) представителей русского общества о французском императоре и проводимом им

⁸ Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 227, 229.

⁹ Приведем точку зрения на это О.В. Соколова: «Общественное мнение России, за исключением, конечно салонов, где господствовали эмигранты, не слишком переживало из-за усиления Франции» (Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. С. 95). Вряд ли подобное утверждение соответствовало действительности.

¹⁰ А.В. Предтеченский писал, что только в первые годы XIX в. и только в либеральных кругах отношение к Наполеону было благожелательным и не враждебным: «Общий либеральный дух, царивший тогда в части дворянской общественности, накладывал свой отпечаток на отношение к Наполеону» (Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. С. 222). Положение это, правда, вскоре очень быстро изменилось даже у либеральной интеллигенции, особенно после расстрела герцога Энгиенского и дальнейших внешнеполитических шагов Н. Бонапарта.

внешнеполитическим курсе¹¹. В целом же, правительственная политика по отношению к Франции пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства. А такое периодически возникало, причем с откровенно антифранцузской направленностью: Тильзитский мир 1807 г., Русско-шведская война 1808–1809 гг., кампания 1809 г. против Австрии.

Александр I должен был, по мнению некоторых сторонников геополитической теории, вступить в союз с Наполеоном ради национальных интересов своей империи. Обычно для доказательства приводят пример первой крупной попытки франко-русского сближения в самом конце правления императора Павла I. Пример, правда, самый неудачный, ибо он опровергает выдвинутый тезис и доказывает совершенно обратное. Даже американский профессор Х. Регсдейл в свое время сделал вывод, противоречивший традиционным версиям. Он доказывал, что союз 1801 г. «не более чем миф», его фактически не существовало, «и если остальная Европа боялась его, то ни французы, ни русские не питали в этом отношении никаких иллюзий. Союз не состоялся не вследствие убийства Павла. Дело было в непримиримых политических разногласиях»¹². Император заплатил жизнью за забвение истины, выраженной словами графа Н.П. Румянцева, что русский деспотизм «ограничен дворянскими салонами»¹³. Причем, подавляющее число русских дворян ликovalo, узнав о смерти Павла.

Александр I прекрасно понимал расклад внутривнутриполитических сил и очень хорошо знал, какое сословие надо особо выделять на фоне социального пейзажа России, на кого необходимо ориентироваться в своей политике, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. Внешнеполитические устремления государства тогда полностью определялись интересами дворянства, которое уже четко определилось, что с Францией Бонапарта ему не по пути. В этом и заключалось идеологическое обоснование курса Александра I и мотивов государственного эгоизма, определяемого, помимо прочего, экономической, финансовой и политической пользой страны.

Дворянство в то время являлось единственной социальной и общественной силой, способной определить, сформулировать и выразить свои политические интересы, т. е. говорить от имени всей империи. В данном случае уместно привести суждение о значении этого сословия в России известного историка Н.М. Карамзина: «Дворянство есть душа и благородный образ всего народа»¹⁴. Остальные социальные группы оставались безмолвными, даже духовенство и купечество, не говоря уже о крестьянстве или о других малочисленных сословиях. Поэтому можно с уверенностью говорить, что проводимая политика имела вполне внятную и логичную мотивировку, а не диктовалась эгоистической

¹¹ См.: Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4; Гросул В.Я. Общественные настроения в России во время Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов // Российская история. 2012. № 6. С. 117–128.

¹² Регсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 13–15, 23. Автор, правда, оговорился, что этот вывод он сделал на основании изучения документов дипломатических ведомств Сардинии, Неаполя, Швеции, Дании, Пруссии, т. к. он в свое время не получил доступа к российским архивам.

¹³ Цит. по: Шебунин А. Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 51.

¹⁴ Карамзин Н.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Л., 1984. С. 221.

«личной неприязнью» Александра. Любая государственная политика – вещь прагматичная, она всегда направлена на соблюдение определенных интересов. В данном случае, российский император очень отчетливо определял цель государственной деятельности и выдерживал свой курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов русского дворянства.

Этого требовал от российского императора и сухой анализ расклада политических сил в Европе, даже с точки зрения основ геополитики. Географический компонент действительно дает основания предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях являлись естественными союзниками. Они не имели до 1807 г. общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств. Это была огромная территория, где как раз прямо сталкивались тогда французские и российские интересы. В конце XIX в. после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в государственном и политическом устройстве, вступили в союз против Германии. Император Александр III, наверно, самый твердый самодержец из династии Романовых, вынужден был на официальных встречах с французским президентом стоя слушать французский гимн «Марсельезу». Можно только догадываться, что творилось в тот момент в душе этого убежденного и последовательного противника революций, но все его идеологические предубеждения перевешивала государственная необходимость.

В начале XIX в. германской угрозы в Европе еще не существовало. Следовательно, не имелось и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией против Германии. Даже поборник русско-французского союза А. Вандаль, отдавая должное политическому фактору в отношениях между двумя империями, писал в предисловии к своему труду: «Несмотря на то, что природа расположила оба государства так, как бы предназначала их для союза, политика нагромодила между ними противоречивые интересы»¹⁵. Британские острова территориально находились в стороне от континента, и у России не было даже малейшей надобности объединяться с кем-либо, а тем более с Францией, против Англии. Наоборот, все пять великих европейских держав в первую очередь боролись в то время за преобладание и влияние в немецких землях. И самой реальной тогда была угроза французской гегемонии в Германии, а это – центр континента, поэтому речь шла о будущем всей Европы. Например, Д. Ливен полагал, что для контроля Европы «требовалось покорить ее каролингское ядро – иными словами, Францию, Италию, Германию и Нидерланды. В этом Наполеон преуспел. Но после этого будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та, и другая, естественно, рассматривали каролингское ядро Европы, как

¹⁵ Вандаль А. Указ. соч. Т. I. С. I.

угрозу для своей безопасности, и стремились победить его. Поэтому Наполеону, в роли наследника Карла Великого, было затруднительно добиться прочного мира»¹⁶.

Если проанализировать динамику и состав всех коалиций, то можно без труда заметить, что, помимо бессменного «банкира» союзников – Англии, их участниками (правда, с периодическим выбыванием) являлись Австрия, Пруссия, Россия, по выражению Э.Э. Крейе «альянс фланговых государств против центра»¹⁷. Главная проблема заключалась в обилии мелких немецких государственных образований, которые потенциально легко могли стать жертвой Франции. Эта постоянно возраставшая угроза в глазах государственных деятелей обоснованно персонифицировалась с именем Наполеона, которого некоторые историки пытаются изображать в образе чуть ли не голубя мира. А вот как характеризовал ситуацию и политику Наполеона один из известнейших тогда отечественных литераторов П.А. Вяземский: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица, более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно»¹⁸.

Именно поэтому в рассматриваемый период и возникли антинаполеоновские коалиции, несмотря на колебания европейских правителей, порождаемые боязнью перед мощью французской военной машины. Это являлось осознанным выбором государств, видевших реальную опасность для своих интересов и своего суверенитета со стороны Франции. Разыгравшийся аппетит агрессивного полководца заставлял монархов опасаться за свои троны, а государства «запуганной» Европы искать пути к объединению сил против Наполеона, как «врага всемирного спокойствия». Очень метко написал об этом В.В. Дегоев: «Словно играя с судьбой и испытывая пределы своего могущества, Наполеон не разрушал, а собирал антифранцузскую коалицию»¹⁹.

Как раз с точки зрения основ геополитики англо-русский союз имел тогда гораздо больше шансов на реализацию, несмотря на существовавшие разные подходы сторон при решении конкретных задач европейской политики. Такой союз был вполне закономерен, так как оба государства имели сходные интересы в отношении Центральной Европы, им оставалось только договориться между собой, что в конечном итоге они и сделали.

Поначалу Александр I, даже, вероятнее всего, симпатизировал Н. Бонапарту. Но чем больше он присматривался к политическим шагам первого консула, тем явственнее в деятельности этого человека

¹⁶ См.: Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 35.

¹⁷ Крейе Э.Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799-1814. М., 2002. С. 86.

¹⁸ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882. С. 442–443.

¹⁹ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 136. Подобные мысли можно найти и в монографии Ч.Д. Исдейла, см.: Исдейл Ч.Д. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997. С. 50–51.

вырисовывалась прямая угроза для Европы и России. Об этом свидетельствовала его частная переписка с Ф.Лагарпом 1803 г., где он достаточно критически оценивал провозглашение Наполеона пожизненным консулом и назвал его «Тираном»²⁰. В такой ситуации российский император стал проводником активной антифранцузской политики. Его можно назвать и идеологом последовательной русской стратегии в Европе. Во всяком случае, в проведении долговременной последовательной политики в европейских делах России того времени ему не откажешь.

Другое дело, Александр был не безгрешным государственным деятелем, поэтому нужно сказать об его явных ошибках. Благо, что тогда положение России допускало определенный лимит промахов своего молодого императора. В частности, его главной ошибкой в 1805 г. стала переоценка боеспособности русских войск и вера в мощь австрийской империи. Его представление об армии базировалось на гатчинском военном воспитании, полученном от Павла I, а также на победном опыте войн Екатерины Великой. Он испытывал «странное почтение» к Пруссии, что также объяснялось военным воспитанием Александра I в гатчинском духе и всем периодом правления его отца, когда российская армия строилась на прусский манер, и господствовали прусские военные порядки²¹. Прусская армия в глазах Александра I оставалась до 1806 г. образцом для подражания.

Некоторое прозрение для него наступило лишь после катастрофических поражений пруссаков от войск Наполеона при Йене и Ауэрштадте в 1806 г. В результате – русские полки вынуждены были защищать остатки прусского королевства. Таким образом, было продолжено противоборство с империей Наполеона, закончившееся в 1807 г. после поражения русских при Фридланде. Наступила эра Тильзита – подписание мирного договора и кратковременного военно-политического союза России и Франции.

При анализе Тильзитских договоренностей возникает ряд вопросов. Один из них – почему русские пошли на заключение союза? Ведь Россия в 1807 г. отнюдь не стояла на коленях. В тех условиях Александр I вполне мог ограничиться лишь простым мирным договором (как первоначально говорилось в инструкциях русским дипломатам)²². Для Наполеона это была вполне приемлемая программа-минимум. Стоит сказать, что в 1807 г. французские войска были истощены не меньше (а может быть, и больше), чем русские, и он в любом случае вынужден был бы согласиться пойти на мировую с российским императором.

Но Россия в 1807 г. воевала не одна, а в союзе с Пруссией, а почти вся прусская территория оказалась захваченной французами. Собственно, главный дипломатический торг тогда велся вокруг этого

²⁰ Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er. Т. II. Neuchâtel, 1979. P. 44–45.

²¹ С.А. Тучков следующим образом охарактеризовал систему военного управления: «При Александре двор его сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск, солдаты, с которыми проводил несколько часов, делая заметки мелом своей рукой на мундирах и исподних платьях, – наполняли его кабинет вместе с щетками для усов, сапог, дощечками для чищения пуговиц и другими подобными мелочами» (Записки Сергея Алексеевича Тучкова 1766–1808. М., 2011. С. 350).

²² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. М., 1963. С. 755, 758.

фактически уже не существовавшего королевства. Война, по мнению С. Соловьева: «Велась... из-за Пруссии, чтоб не дать этому государству исчезнуть с карты Европы и не сблизить русские границы с границами Наполеоновой империи»²³. Александр I в результате переговоров смог настоять на том, чтобы Пруссия, хотя ее территория сократилась почти вдвое, сохранилась на географической карте Европы. Можно полностью и безоговорочно согласиться с мнением компетентного специалиста по взаимоотношениям России с немецкими государствами С.Н. Искюлем: «Позиция Александра I накануне и во время переговоров во многом определялась стремлением сохранить Пруссию как государственную единицу», и это сохранение, «хотя и в урезанном виде, безусловно, следует считать успехом российской внешней политики»²⁴. Итак, для Наполеона и для Александра Тильзит стоил сохранения Пруссии как государства. В тексте статьи IV Тильзитского договора прямо и недвусмысленно указывалось, что Наполеон «из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы» согласился возвратить прусскому королю, хотя и в изрядно урезанном виде, его владения²⁵.

Обычно Тильзитские договоренности сторонники франко-русского сближения ставят как пример объективной неизбежности такого союза. Но, как не парадоксально, союз 1807 г. был заключен вопреки аксиомам геополитики и вызван был совсем иными причинами. Начнем с того, что после создания герцогства Варшавского (бастион Франции против России) Наполеон получил прямой выход к русским границам. А это в соответствии с азами геополитики противоречило постулату о естественном характере союза, поскольку такое соприкосновение таило потенциальную угрозу и резко увеличивало вероятность прямого военного столкновения в будущем. В германском регионе, в геополитическом плане самом интересном для России, в 1807 г. она фактически потеряла свое влияние. Наполеон в Германии мог безнаказанно делать все, что хотел. Сохранить хотя бы остатки бывшего русского влияния (и чтобы не пострадали многочисленные родственники царя), было возможно только в рамках военно-политического союза с Наполеоном. Прагматизм русской политики по отношению к Германии в данном случае очевиден. Например, современный исследователь Д. Ливен полагает, что «Россия в 1807–1814 гг. была в значительной степени вынуждена выбирать между союзом с Великобританией и союзом с Францией. Реального нейтралитета России не допустили бы даже англичане, не говоря о Наполеоне». В другом месте своей статьи он высказался, что «Александр всегда полагал, что любой мир с Наполеоном окажется лишь перемирием»²⁶.

²³ Соловьев С. Император Александр Первый. Политика - дипломатия. СПб., 1877. С. 149.

²⁴ Искюль С.Н. Внешняя политика России и Германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 131, 145. В инструкциях уполномоченным вести переговоры в Тильзите Александр I очень четко указал: «Вопрос, интересующий меня превыше всего – это восстановление короля прусского в его владениях» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 756).

²⁵ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 632, 638.

²⁶ См.: Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. С. 36, 56.

Но, с точки зрения основ геополитики, подобный прагматизм также не сулил ничего хорошего франко-русскому союзу, а только создавал почву для будущего разрыва союзных отношений. Для России Тильзит стал временным компромиссом, договор был продиктован вынужденной необходимостью, но, как минимум, создавал возможность для изменения русских границ в Финляндии и на Балканах, и тем самым можно было обеспечить стратегические фланги будущего театра военных действий в грядущем столкновении с наполеоновской империей.

Другой вопрос: существовало ли осознание общности своих геополитических и стратегических интересов двумя высокими договаривавшимися сторонами в Тильзите и после него? Попробуем даже несколько упростить задачу, сформулировав вопрос по-иному: насколько заключенный союз отвечал и соответствовал долговременным интересам каждого государства? Собственно в дипломатии, политике и экономике этот критерий и определяет прочность любых соглашений. Заключенный договор действует до тех пор, пока устраивает партнеров, если же выгода односторонняя, или другая сторона вынуждена была заключить соглашение под давлением каких-либо обстоятельств, то всегда существует угроза досрочного расторжения достигнутых договоренностей.

Был ли выгоден союз в Тильзите Франции? Бесспорно – да. Наполеон был крайне заинтересован в упрочении альянса, так как он давал ему возможность решать основную внешнеполитическую задачу – эффективно бороться с главным противником и попутно решать другие локальные проблемы в Европе, имея со стороны России защищенные тылы. Сразу же возникает другой очень важный вопрос: отвечал ли союз в Тильзите долгосрочным российским интересам? Неужели буржуазно-аристократическая Англия для России, как и для Франции, была тогда главным врагом? Возможно, если геополитики действительно правы, было бы лучше русскому царю «зажмуриться» и вступить в настоящий альянс с Наполеоном против Англии? Но отвечал бы этот по-настоящему заключенный (а не вынужденный, как в Тильзите) союз российским интересам? Даже учитывая все англо-российские противоречия и британские «грехи» перед Россией, ответ на последний вопрос будет отрицательным.

Давайте опять же представим себе гипотетический результат такого франко-русского «брака»: в борьбе с туманным Альбионом Наполеон при помощи (или нейтралитете) русских оказался бы победителем. Даже не важно – экономическими средствами или военным путем французы поставили бы Британию на колени. Что получали бы русские в итоге? Они оказались бы без союзников, один на один с могущественной империей, политически и экономически безраздельно доминирующей в Европе. Нетрудно предугадать, куда после Англии была бы направлена победная поступь наполеоновских орлов – против единственной оставшейся крупной державы в Европе, то есть против России. Такова объективность реалий и стратегических последствий подобного решения. Вряд ли Александр I не просчитывал такую ситуацию.

В 1807 г. Россия вынуждена была вступить в войну с Великобританией. Но эта война была объявлена Россией лишь на бумаге. Хотя раздражение предшествующей политикой Англии и ее «эгоизмом», безусловно, в 1807 г. имело место в русских правящих кругах. Но военные действия оказались закамуфлированными рядом мероприятий по прекращению прямой торговли, по задержанию английских судов и аресту имущества британцев в России, по увольнению с флота английских подданных и тому подобных мер. Фактически война носила формальный характер, во всяком случае, многие ее называли «странной» или «бездымной»²⁷. Да и как можно иначе квалифицировать военные действия ввиду практически их полного отсутствия. Официально эта война продолжалась пять лет, но для обеих сторон она оказалась почти бескровной. Обе страны стремились без лишней надобности не обострять конфликт и не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны.

Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 гг. всегда реалистично полагал, что главным врагом для него была не Англия, а Франция. У России и Франции в тот период были обозначены слишком разные приоритетные задачи и в то же время отсутствовали общие интересы. Российский монарх в этот период считал, что Россия будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь с Францией в союзе, нежели в прямой конфронтации, а заодно сможет решить свои стратегические задачи. В свое время известный историк А.Е. Пресняков резонно считал, что «новый союз только прикроет блестящим покровом прежнее соперничество и подготовку сил к новой решительной борьбе»²⁸. Англичане же все это время оставались потенциальными русскими союзниками, также как и русские для англичан.

Александром I учитывались самые различные конкретные факторы в оценках политической конъюнктуры и текущих процессов при принятии решений, в том числе, и не в пользу существовавшего русско-французского союза. Можно сказать, что, несмотря на наличие Тильзитского договора, русский стратегический курс продолжал в 1807–1812 гг. как и прежде оставаться неизменным и был нацелен на будущую борьбу с Наполеоном.

Очень быстро наступил закат эры Тильзита. Именно самостоятельная политика Александра и амбициозность Наполеона предопределили военный поход в Россию в 1812 г., что в конечном итоге привело к полному поражению наполеоновской империи. Уже с 1812 г., учитывая общие интересы и цели, русские и англичане «оказались в одном окопе», стали вместе воевать с наполеоновской империей (хотя и в разных концах континента), и сумели довести совместную борьбу до ее окончательной победы в 1814 г.

²⁷ «Бездымной» эту войну назвал известный русский историк Н.Ф. Дубровин. См.: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 9. С. 449–450.

²⁸ Пресняков А.Е. Александр I. Пб., 1924. С. 118.

Библиография:

- Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.
- Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III. СПб., 1910–1913.
- Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882.
- Гросул В.Я. Общественные настроения в России во время Отечественной войны 1812 года и заграничных походов // Российская история. 2012. № 6.
- Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.
- Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 9.
- Из записок князя Адама Чарторыйского: Русский Двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795–1805. М., 2007.
- Исдейл Ч.Д. Наполеоновские войны. Ростов-на-Дону, 1997.
- Искуль С.Н. Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). М., 2007.
- Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4.
- Карамзин Н.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Л., 1984.
- Крейе Э.Э. Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002.
- Ливен Д. Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007.
- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.
- Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950.
- Пресняков А.Е. Александр I. Пб., 1924.
- Регсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3.
- Соколов О. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. М., 2006.
- Соловьев С. Император Александр Первый. Политика - дипломатия. СПб., 1877.
- Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.
- Татищев С.С. Мировой раздел: От Тильзита до Эрфурта // Русский вестник. 1890. № 3, 4; 1891. № 2, 9, 11, 12.
- Трачевский А. Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. № 6.
- Шебунин А. Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2.
- Шейн И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2002.
- Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er. Т. II. Neuchâtel, 1979.

Bibliography:

- Abalikhin B.S., Dunayevskiy V.A. 1812 god na perekrestkakh mneniy sovetskikh istorikov 1917–1987. M., 1990.
- Vandal' A. Napoleon i Aleksandr I: Franko-russkiy soyuz vo vremena Pervoy imperii. T. I–III. SPb., 1910–1913.
- Vyazemskiy P.A. Poln. sobr. soch. T. 7. SPb., 1882.
- Grosul V.Ya. Obshchestvennyye nastroyeniya v Rossii vo vremya Otechestvennoy voyny 1812 goda i zagranichnykh pokhodov // Rossiyskaya istoriya. 2012. № 6.
- Degoyev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnyye sistemy: 1700–1918 gg. M., 2004.
- Dubrovin N.F. Russkaya zhizn' v nachale XIX v. // Russkaya starina. 1901. № 9.
- Iz zapisok knyazyu Adama Chartoryyskogo: Russkiy Dvor v kontse XVIII i nachale XIX stoletiya. 1795–1805. M., 2007.

- Isdeyl Ch.D. Napoleonovskiye voyny. Rostov-na-Donu, 1997.
- Iskyl' S.N. Vneshnyaya politika Rossiya i Germanskiye gosudarstva (1801–1812). M., 2007.
- Kazakov N.I. Napoleon glazami yego russkikh sovremennikov // Novaya i noveyshaya istoriya. 1970. № 3–4.
- Karamzin N.M. Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 2. L., 1984.
- Kreye E.E. Politika Metternikha: Germaniya v protivoborstve s Napoleonom 1799-1814. M., 2002.
- Liven D. Rossiya i napoleonovskiye voyny: Pervyye mysli novichka // Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. T. IV. M., 2007.
- Manfred A.Z. Napoleon Bonapart. M., 1971.
- Predtechenskiy A.V. Otrazheniye voyn 1812–1814 gg. // Istoricheskiye zapiski. T. 31. M., 1950.
- Presnyakov A.Ye. Aleksandr I. Pb., 1924.
- Regsdeyl Kh. Prosveshchenny absolyutizm i vneshnyaya politika Rossii v 1762–1815 gg. // Otechestvennaya istoriya. 2001. № 3.
- Sokolov O. Austerlits. Napoleon, Rossiya i Yevropa 1799–1805 gg. T. I. M., 2006.
- Solov'yev S. Imperator Aleksandr Pervyy. Politika - diplomatiya. SPb., 1877.
- Tatishchev S.S. Iz proshlogo russkoy diplomatii: Istoricheskiye issledovaniya i polemicheskiye stat'i. SPb., 1890.
- Tatishchev S.S. Mirovoy razdel: Ot Til'zita do Erfurta // Russkiy vestnik. 1890. № 3, 4; 1891. № 2, 9, 11, 12.
- Trachevskiy A. Franko-russkiy soyuz v epokhu Napoleona // Istoricheskiy vestnik. 1891. № 6.
- Shebunin A. Iz istorii dvoryanskikh nastroyeniy 20-kh godov XIX veka // Bor'ba klassov. 1924. № 1–2.
- Shein I.A. Voyna 1812 goda v otechestvennoy istoriografii. M., 2002.
- Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre I-er. T. II. Neuchâtel, 1979.